

МОГИЛА
Дэвид Ремник
ЛЕНИНА

David Remnick

LENIN'S TOMB

The Last Days of the Soviet Empire

Дэвид Ремник

МОГИЛА ЛЕНИНА

Последние дни советской империи

Перевод с английского

Льва Оборина

издательство АСТ

Москва

УДК 821.111-94(73)

ББК 84(7Сое)-4

Р38

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Ремник, Дэвид.

Р38 Могила Ленина. Последние дни советской империи / Дэвид Ремник; пер. с англ. Л. ОБОРИНА. — Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2017. — 624 с.

ISBN 978-5-17-097473-3

“Последнему поколению иностранных журналистов в СССР повезло больше предшественников, — пишет Дэвид Ремник в книге “Могила Ленина” (1993 г.). — Мы стали свидетелями триумфальных событий в веке, полном трагедий. Более того, мы могли описывать эти события, говорить с их участниками, знаменитыми и рядовыми, почти не боясь ненароком испортить кому-то жизнь”. Так Ремник вспоминает о времени, проведенном в Советском Союзе и России в 1988–1991 гг. в качестве московского корреспондента *The Washington Post*. В книге, посвященной краху огромной империи и насыщенной разнообразными документальными свидетельствами, он прежде всего всматривается в людей и создает живые портреты участников переломных событий — консерваторов, защитников режима и борцов с ним, диссидентов, либералов, демократических активистов.

УДК 821.111-94(73)

ББК 84(7Сое)-4

ISBN 978-5-17-097473-3

© David Remnick, 1993, 1994

© Л. Оборин, перевод на русский язык, 2017

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2017

© ООО “Издательство АСТ”, 2017

Издательство CORPUS ®

Содержание

Предисловие к новому изданию. **Иллюзия конца** 9

Вступление 15

Часть I. По праву памяти

Глава 1. Переворот в лесу 23

Глава 2. Сталинистское детство 31

Глава 3. Хранить вечно 45

Глава 4. Возвращение истории 58

Глава 5. Вдовы революции 74

Глава 6. Нюночка 92

Глава 7. До и после “дела врачей” 108

Глава 8. “Мемориал” 123

Глава 9. Письма, пущенные вплавь 143

Часть II. Демократические перспективы

Глава 10. Маскарад 167

Глава 11. Двоемыслие 186

Глава 12. Партийцы 204

Глава 13. Бедные люди 222

Глава 14. Революция в подземелье 240

Глава 15. Открытки из Империи	258
Глава 16. Остров	272
Глава 17. Хлеб и зрелища	280
Глава 18. Последний оплот ГУЛага	288

Часть III. Дни революции

Глава 19. “Завтра предстоит бой”	303
Глава 20. Утраченные иллюзии	314
Глава 21. Октябрьская революция	330
Глава 22. Первомай, или Тревога!	349
Глава 23. Министерство любви	367
Глава 24. Черный сентябрь	384
Глава 25. Телебашня	399
Глава 26. Генеральная линия	426
Глава 27. Граждане	440

Часть IV. “Первый раз как трагедия, а второй — как фарс”

	461
18 августа 1991 года	480
19 августа 1991 года	489
20 августа 1991 года	505
21 августа 1991 года	516

Часть V. Суд над старым режимом

	525
Послесловие к изданию 1994 года	565
Благодарности	577
Источники	580
Библиография	597
Алфавитный указатель	602

Моим родителям и Эстер

Предисловие к новому изданию Иллюзия конца

Журналист может хотеть сделаться писателем и написать роман далеко не из одних только соображений литературной славы и престижа. Автора нон-фикшен ограничивают упрямая бесформенность реальности, скучная хронология жизни “как она есть”. Романист имеет право выходить за рамки факта и пускаться в путешествие по таким темным, труднодоступным областям, как человеческие тайны, мотивации, порывы и страсти. Романист может позволить себе то, чего, кажется, не любит делать сам Бог: придать действительности форму, которая приносит самое сомнительное удовольствие, — создать повествование с началом, серединой и концом.

Хороший репортер никогда не поддается искушению: ему хватает ума понять, что история разворачивается не ради того, чтобы он написал удачный репортаж. Но любой журналист, который работал в Москве в годы правления Михаила Горбачева, не мог не поражаться тому, насколько сложные и разнообразные процессы ему приходится наблюдать. Что-то важное происходило на всех уровнях политической, экономической, интеллектуальной и общественной жизни, и события были чрезвычайно интенсивны и стремительны, не говоря уж о том, что они происходили на невообразимо громадной территории. Так что никто из нас не претендовал на роль адекватного свидетеля эпохи, способного правильно ее описать, тем более для завтрашней газеты. (Газеты, представьте себе, в те времена жили в 24-часовом ритме — и при этом выходили на бумаге.)

Но одним из иллюзорных преимуществ у московских репортеров того времени было чувство причастности к драматической развязке истории колоссального, мирового уровня. В августе 1991 года мы с моей женой Эстер Файн должны были после четырех лет жизни в Москве улететь домой. Она работала в *The New York Times*, я — в *The Washington Post*. Драма перестройки, курса

реформ, начатых Горбачевым в марте 1985 года, достигла тогда максимального, предельного накала: страны Восточной и Центральной Европы, освободившись от кремлевской власти, входили в младенческую пору своей государственности, советские республики требовали большей независимости, а идеология и политика Коммунистической партии Советского Союза катились под откос. Но чем все это закончится, было неясно. Если этому и наступит конец, думали мы, то мы его уже не застанем. Наше время в СССР истекло. Американские корреспонденты, работающие за рубежом, редко задерживаются на одном месте дольше четырех лет. Поэтому мы попрощались с друзьями, собрали чемоданы, убрались в квартире и, наконец опубликовав интервью с доверенным лицом Горбачева Александром Яковлевым (который сообщил мне, что ожидает, что КПСС и КГБ попытаются совершить государственный переворот), вылетели рейсом авиакомпании *Pan Am* из Шереметьева в Нью-Йорк. Это было 18 августа 1991 года.

В первых строках “Десяти дней, которые потрясли мир” Джон Рид называет свой рассказ о петроградских событиях 1917 года “сгустком истории”. События, приведшие к драме 1991 года, пожалуй, были не менее насыщенными. В любом случае я собирался написать книгу о своем советском опыте, даже если в этой истории еще не было своего штурма Зимнего дворца. Но разве можно было всерьез ждать, что такое случится?

Как оказалось, нужно было подождать всего несколько часов. Приехав в дом родителей Эстер под Нью-Йорком и включив *CNN*, мы вместе со всем остальным миром увидели, как по Кутузовскому проспекту, прямо мимо дома, где мы жили, идут танки. Начался переворот, который предсказывал Александр Яковлев. Чем бы он ни закончился, это было то самое финальное событие. Несмотря на то что у Восточного побережья США разразился ураган и было непонятно, удастся ли мне сразу вылететь в Россию, я уже на следующий день вернулся в Москву. 21 августа путч провалился. Горбачев, которого удерживали под арестом на крымской даче, вернулся с семьей в Москву, где его ждал холодный прием от его спасителя и политического противника Бориса Ельцина. Горбачев думал, что вернулся к власти, но на самом деле он стал свидетелем радикального изменения привычного ему мира.

Я оставался в Москве до конца года. Советский Союз к тому времени перестал существовать — растворился, как кубики сахара в горячем чае. Вернувшись в Нью-Йорк, я дописал “Могила Ленина” — мои записи того периода легли в основу развернутой последней части книги.

Длинный раздел об августовском путче — “Первый раз как трагедия, а второй — как фарс” — не получился бы без подробностей о крымском заточении Горбачева; о лихорадочном бормотании в кабинетах Лубянки и несостоявшихся диктаторах, которые напивались до бесчувствия; о заговорщиках,

которые сводили счеты с жизнью всеми мыслимыми способами. Предложить такой финал не отважился бы ни один сценарист, но именно так все и случилось — как раз в конце моего четырехлетнего репортерского срока. Кроме того, финал оказался на удивление счастливым: сравнительно мирное завершение невероятно трагического отрезка истории, ночной спуск над Кремлем красного флага и подъем нового — бело-лазорево-алого. Конец коммунизма. Конец империи. Конец истории. Могли ли в России после тысячи лет феодализма, царского самодержавия, тоталитарного коммунизма утвердиться либеральная демократия, процветание, истина и справедливость?

Вскоре я — в шутку — сказал своим старым коллегам из московского бюро *Post*, что “история завершилась”. В этой шутке отзывалось глубокое заблуждение, особенно распространенное в Вашингтоне: Россия и четырнадцать остальных бывших советских республик вступят в период эволюционного политического и экономического развития, которое не потребует нашего внимания, и Соединенные Штаты, свободные от конкуренции и обязательств холодной войны, утвердятся в роли единственной мировой сверхдержавы. Это была вера в превосходство малой истории над большой, иллюзия, которую развеяли многочисленные события, показавшие, что упадок и крах Советского Союза будут длиться еще много лет после его официального распада. Многие из этих событий оказались куда драматичнее, чем все, что нам было известно по горбачевскому времени: кровавый “октябрьский переворот” 1993 года; чеченские войны; становление олигархического, во многом преступного, капитализма; деградация едва появившейся на свет свободной прессы и сужение гражданских свобод; экономический крах 1998 года; одряхление Бориса Ельцина и выход на сцену Владимира Путина. С приходом Путина появилось отчетливое ощущение, что либеральная демократия в России — куда более отдаленная перспектива, чем казалось всем, кто принимал участие в событиях 1991 года.

Путин был президентом с 2000 по 2008 год. Затем, по крайней мере формально, он подчинился требованиям российской Конституции и уступил президентское кресло своему протеже Дмитрию Медведеву. На выборах, которые лишь с большой натяжкой можно было назвать демократическими, Медведев победил и первым же своим указом назначил Путина премьер-министром. Все это никого не обмануло: было ясно, что эпоха Путина продолжается. А затем, разгневанный выступлениями образованных горожан, которые требовали куда больше свобод, чем Путин был готов им предоставить, он

снова стал президентом — на этот раз куда более авторитарным, настроенным националистически и антизападно.

Популярность Путина, который воплотил в себе русский традиционализм и сильную государственную власть, — отчасти результат глубокого разочарования большинства граждан в эпохе Ельцина. В 2008 году я посмотрел в Москве комедийный боевик Алексея Балабанова “Жмурки” — макабрическую карикатуру на Россию 1990-х в общественном представлении: Россию хаоса, коррупции и жестокости. Фильм начинается со следующей сцены: в 2005 году преподавательница читает студентам лекцию по экономике и объясняет, как после падения коммунизма и распада СССР в 1991 году начался крупнейший в истории человечества “перedel собственности”. Это было время, когда “так называемые олигархи” вступили во владение нефтяными промыслами, золотыми приисками и банками.

— У кого-нибудь есть соображения на этот счет? — спрашивает она.

— Я думаю, что в то время из ничего можно было заработать много денег! — отвечает бойкая студентка.

— И еще, — добавляет преподавательница, — в 90-е годы очень развиты были криминальные группировки, которые срастались с властью и тем самым тоже приобретали начальный капитал.

Далее следует титр “Середина 1990-х” и жестокая сцена, в которой киллер, называющий себя профессионалом, пытается в морге бандита-конкурента. В последних сценах фильма двое кровавых поделщиков крадут у своего босса пять килограммов героина — “начальный капитал” — и сбегают в Москву, где меняют кожаные куртки и пистолеты на строгие костюмы и должности в кремлевской бюрократии.

В современной России не в чести либерализм — мало кто всерьез верит в необходимость гражданского общества, гражданских свобод и открытого общества. Из всех демократических активистов и политиков рубежа 1980-х и 1990-х в народной памяти остался только один — физик и правозащитник Андрей Сахаров. Его именем назван проспект в Москве. Возможно, его вспоминают с уважением потому, что он успел умереть в декабре 1989-го, за два года до крушения советской империи. Либеральные партии 1990-х давным-давно скомпрометированы связями с эпохой Ельцина и сошли с политической сцены. “Государство не позволяет оппозиции существовать, у нас нет коалиции”, — сказал мне бывший премьер-министр Михаил Касьянов, ныне возглавляющий небольшую оппозиционную партию без представительства в Думе.

“Сейчас, как и при Ельцине, в оппозиции разве что коммунисты, — говорил Александр Солженицын в интервью *Der Spiegel* незадолго до смерти (он умер в августе 2008-го). — Однако, говоря «оппозиции почти не осталось», вы, конечно, имеете в виду демократические партии 90-х годов? Но взгля-

ните же непредвзято: если все 90-е годы происходило резкое падение жизненного уровня, затронувшее три четверти российских семей, и всё под «демократическими знаменами», то ничего удивительного, что население отхлынуло из-под этих знамен». Солженицыну, который жил на окраине Москвы, было 88 лет, здоровье его угасало. Несмотря на то что в большинстве его романов и исторических исследований содержалась развернутая критика советской власти и спецслужб, о Путине, бывшем подполковнике КГБ, он отзывался одобрительно. «Путину досталась по наследству страна, разграбленная и сшибленная с ног, с деморализованным и обнищавшим большинством народа. И он принялся за возможное — заметим, постепенное, медленное, — восстановление ее», — сказал Солженицын.

У нынешнего рейтинга популярности Путина несколько причин: ошибки его предшественников, подавление инакомыслящих, вскипание «темного» патриотизма, укрепление националистической идеологии, а также такие события, как аннексия Крыма и бомбардировки Сирии, — они нужны для того, чтобы продемонстрировать миру возрождение сверхдержавы, вновь дать стране цель. Несмотря на углубляющийся экономический кризис, Путин и путинизм по-прежнему в силе.

В постсоветской России сохранились две великие традиции: власть тайной полиции и использование иносказаний для говорения правды. Последнее в путинской России — одно из немногих эффективных способов описания первого. Владимир Сорокин, писатель со склонностью к сюрреалистичной жестокости, создал роман-антиутопию под названием «День опричника». Опричники были тайной полицией XVI века. В изображенной Сорокиным деспотической России 2028 года в ведении монарха находятся все судьбы, вся информация. Благополучие государства зависит от нефти и газа, а выживание конкретного человека — от безоговорочной верности кровавому деспоту и его опричному кругу. Сама Россия — крайне консервативное, традиционалистское государство.

Это иносказание легко расшифровать. Путин и значительная часть кремлевских начальников, министров и советников — выходцы из КГБ; многие родились и выросли в родном городе Путина — Ленинграде, ныне Санкт-Петербурге. Ельцин пытался реформировать спецслужбы, но попытка не удалась. «Структура политической полиции сохранена, и она легко может возникнуть», — говорил Ельцин в 2007 году, незадолго до смерти. В 1990-е олигархи охотно нанимали к себе на службу хорошо обученных и информированных бывших сотрудников КГБ. Но Путин поставил эту иерархию с ног на голову. В Кремле Путина больше силовиков, чем в Белом доме Кеннеди — выпускников Гарварда. Силовики возглавляют многочисленные кремлевские ведомства, бюрократические органы и госкорпорации.

В книге интервью “От первого лица” Путин рассказывал, что в 1980-е, когда он еще служил в ГДР, а коммунизм уже трещал по швам, у него было много свободного времени. Он пил местное пиво (“Я брал такой баллон на три с лишним литра. Пиво в него наливаешь, потом краник нажимаешь — и пьешь как из бочки”) и поправился примерно на 12 килограммов. Но, став президентом, он сразу вспомнил о своем прежнем работодателе и приумножил его могущество. “Бывших чекистов не бывает”, — заметил он.

Когда Путин вернулся в президентское кресло в 2012 году, во всех его действиях ощущалась острая неприязнь: неприязнь к городскому среднему классу, который он считает угрозой своему режиму; неприязнь к Западу, который ввел против России экономические санкции в ответ на аннексию Крыма и вмешательство в военный конфликт на востоке Украины.

Одна из главных тем “Могилы Ленина” — тема истории, та огромная роль, которую переоценка истории сыграла в преобразении бывшего СССР и сознания его граждан. Возвращение истории в то время оказало влияние на все: на становление национальных движений в Прибалтике, на Кавказе, Украине и в Средней Азии; на экономику; на интеллектуальную и культурную жизнь; на отношения СССР с другими странами.

Сейчас эта переоценка в каком-то смысле происходит вновь, но в более мрачной атмосфере. Исторические взгляды Путина также задают направление, в котором движется Россия. Его крайне консервативный подход к истории, восхищение такими фигурами, как Столыпин и философы-националисты XIX и XX веков, рождает убеждение, что Россией нужно управлять железной рукой, что ее размер и сама природа не подходят для той демократии, к какой привыкли на Западе. Согласно путинскому пониманию истории, потенциальные противники находятся повсюду и с ними нужно бороться: нельзя допускать угроз для стабильности государства. Он не забыл, как у дверей дрезденской резидентуры КГБ бушевала толпа антисоветски настроенных немцев. Те события, о которых говорится в “Могиле Ленина”, — митинги, забастовки, демонстрации на Красной площади, революции в Восточной и Центральной Европе — для Путина подобны страшному сну. Он убежден, что ни в коем случае нельзя допустить повторения событий 1989–1991 годов, о которых идет речь в этой книге. Вот почему современный читатель “Могилы Ленина” чувствует одновременно и оптимизм, который владел умами предыдущего поколения, и настороженность, которой сегодня пропитано каждое действие Владимира Путина.

Вступление

Задолго до того, как появились основания предрекать закат и распад Советского Союза, о предчувствиях этого было упомянуто в записных книжках Надежды Мандельштам. Она не была сентиментальной, не была наивной. Ее мужа, великого поэта Осипа Мандельштама, смела волна Большого террора 1930-х; он не вернулся из лагерей. С безжалостной прямоотой она писала о том, как режим держал своих подданных в постоянном страхе. Советские люди, по ее словам, стали “психически сдвинутыми, чуть-чуть не в норме, не то чтобы больными, но не совсем в порядке”. Тем не менее Надежда Яковлевна, в отличие от многих ученых и политиков, видела признаки врожденной слабости советской системы и верила в человеческую стойкость.

20 августа 1991 года стояла хмурая дождливая погода. Я шел сквозь толпу людей, защищающих здание российского парламента от возможного нападения путчистов. В тот день все мы увидели то, что мало кто мог предугадать: советские граждане — рабочие, учителя, карманники, дети, матери, старики, даже солдаты — выступили против нескольких замшелых политиков, которые возомнили себя улучшенной версией большевиков, способных заморозить время, а то и пустить его вспять. Лихорадочно готовя путч, заговорщики решили, что “массы” слишком изнурены и безразличны, чтобы дать отпор. Но десятки тысяч обычных москвичей были готовы умереть за демократию. Тогда говорилось — и даже сейчас говорится, — что русские ничего или почти ничего не знают о гражданском обществе. Что ж, в таком случае странно, что столько людей были готовы отдать свою жизнь ради его защиты.

Я редко запоминаю наизусть прочитанное, но в тот день, за много часов до того, как стало ясно, что войска не пойдут в атаку и путч провалился, я вспомнил слова, которые обвел черной ручкой в книге воспоминаний Надежды Мандельштам: “Этот ужас может вернуться, если опять отправят в лагерь

несколько миллионов граждан, но каждый из этих миллионов будет сейчас выть. Их семьи будут выть. Их друзья и соседи будут выть. И это немало”. Вожди августовского путча не учли, что их граждане ушли далеко вперед. Они ничего не поняли. За свой просчет они заплатились тюрьмой, а опоры прежнего режима рухнули.

Сейчас, когда я пишу эти строки, эйфория тех августовских дней давно развеялась, а российская демократия неустойчива. Иногда кажется, что не изменилось почти ничего, что судьба России вновь зависит от опыта, наклонностей и пульса одного человека. На сей раз это Борис Ельцин, который проявил себя героем в дни путча; человек гибкий, умный, но порой несдержанный на язык и любящий приложиться к бутылке. Никто не знает, что будет, если Ельцин лишится власти — например, если его хватит удар или путч устроят радикальные националисты, неофашисты и ностальгирующие коммунисты, имеющие большинство в парламенте. Сейчас, перед уходом моей книги в печать, в апреле 1993 года, противостояние между Ельциным и парламентом не разрешено¹; это показывает, как не хватает России внятных и работающих Конституции, правовой и административной систем. Эти институты нового общества пока находятся в зачаточном состоянии и невероятно хрупки.

В январе 1993-го стало ясно, что ельцинская экономическая программа “шоковой терапии” принесла переменный успех, много боли и повсеместно возбудила тревогу. В отдельных местах продовольственных и иных товаров хватает, но цены вышли из-под контроля. Уровень инфляции напоминает latinoамериканский. Руководители огромных военных заводов не спешат перепрофилироваться, а немислимые дотации, которые они получают, опустошают бюджет. Процвествуют наглые дельцы и некоторые честные бизнесмены — новый бойкий класс, но старики, немощные, малоимущие находятся в отчаянном положении. Преступность колоссальна. И то и дело находится очередной демагог — коммунист, националист или просто сумасшедший, — который готов воспользоваться ошибками, недостатками и неудачами избран-

1 Это противостояние трагически завершилось в конце сентября — начале октября 1993 года, когда Ельцин издал указ о роспуске Верховного совета и Съезда народных депутатов. Депутаты во главе с вице-президентом Александром Руцким и председателем Верховного совета Русланом Хасбулатовым отказались подчиниться. У каждой стороны образовались многочисленные группы поддержки. Противостояние переросло в вооруженный конфликт, в результате которого погибло около двухсот человек (точных данных нет). Дом Советов (ныне Дом Правительства Российской Федерации), в котором находились противники Ельцина, был обстрелян из танков. Структура власти, доставшаяся России в наследство от Советского Союза, была ликвидирована. В ноябре был завершен проект новой Конституции РФ, которая была принята по результатам всенародного голосования 12 декабря 1993 года. — *Здесь и далее, если не указано иное, примечания принадлежат переводчику.*

ного правительства. Авторитаризм по-прежнему остается опасным соблазном. И пока что все потенциальные преемники Ельцина обещают отойти от радикальных экономических реформ и, скорее всего, будут проводить агрессивную антизападную внешнюю политику.

В прочих странах бывшего СССР ситуация вызывает неменьшее беспокойство. На Кавказе вспыхивают яростные локальные войны, в Центральной Азии происходят перевороты. Молдавия, Латвия, Эстония и Литва обвиняют Россию в империалистических наклонностях, поскольку она не выводит свои войска¹. Русские, в свою очередь, указывают на то, что главы балтийских государств относятся к неприбалтам как к гражданам второго сорта. Армения разорена и едва не в коллапсе. В Грузии идет гражданская война. Невзирая на несколько исторических договоров с Соединенными Штатами, Россия, Украина, Белоруссия и Казахстан до сих пор не урегулировали вопросы хранения оружия. Вот почему мы не можем спать спокойно: нам снятся кошмары, названные однажды Джеймсом Бейкером “Югославией с атомными бомбами”².

Но, несмотря на все это, я разделяю трезвый оптимизм Надежды Мандельштам. В конце концов, моя книга — хроника последних дней одного из жесточайших режимов в истории человечества. Став свидетелем этих дней, побывав в Москве и республиках последней империи, я убежден, что, какие бы трудности ни ждали Россию, она не вернется в прошлое. Мы на Западе не можем позволить себе отворачиваться от происходящего. Отказываться в помощи — означает подвергать опасности Россию, страны бывшего СССР и мир на всей планете.

Чтобы понять историю Советского Союза и его падение, потребуются еще много книг и воспоминаний. Мы до сих пор спорим о событиях 1917 года. Историкам необходимо время. Когда Чжоу Эньлай спросили, что он думает о Французской революции, тот ответил: “Еще рано о ней говорить”³. Для разговора о времени Горбачева понадобится целая библиотека, в которой будут книги на самые разнообразные темы: американо-советские отношения, экономическая история, возмущения в Прибалтике, на Кавказе, на Украине и в Центральной Азии, “предыстория” перестройки, психологические и социологические эффекты многолетнего тоталитарного режима.

1 Российские войска ушли из Литвы в 1993-м, из Латвии и Эстонии — в 1994 году. На территории Молдавии (в Приднестровье) российский миротворческий контингент остается до сих пор.

2 В 1992 году был подписан Лиссабонский протокол, согласно которому Украина, Белоруссия и Казахстан обязались передать свои ядерные арсеналы России. Это обязательство было выполнено в 1994–1996 годах. Джеймс Бейкер — госсекретарь США (1989–1992); он подписал Лиссабонский договор со стороны США.

3 Чжоу Эньлай (1898–1976) — китайский политик, первый премьер Госсовета КНР.

Я отправился в Москву в январе 1988 года как репортер *The Washington Post*. Революцию я видел именно с такой, достаточно своеобразной, точки зрения. Подобно многим моим коллегам в Москве, я отправлял в редакцию от трехсот до четырехсот текстов в год, и редакция с радостью приняла бы еще больше. Но и тогда, загруженный срочной работой, я понимал, что у многочисленных событий эпохи Горбачева-Сахарова-Ельцина есть общая логика: едва советский режим смягчился настолько, что позволил беспрепятственно изучать свое прошлое, радикальные перемены стали неизбежны. Едва Система показала себя такой, какая она есть или была, она подписала себе приговор. Именно с этого важного момента — возвращения истории в Советский Союз — я начинаю часть I моей книги. Далее, в части II, речь идет о зарождении демократии, а в части III — о конфронтации между старым режимом и новыми политическими силами. В части IV я пробую с разных ракурсов показать августовский путч — самый напряженный и невероятный эпизод новейшей российской истории — и его последствия. В части V мы увидим последнюю попытку Коммунистической партии оправдаться — на фоне становления новой страны. Все эти дни показаны в основном главами нескольких человек, известных и не очень.

Я уверен, будь Надежда Мандельштам сегодня жива, она бы не стала долго предаваться ликованию. Она бы ожесточенно набрасывалась на несправедливость и бессмыслицу, которыми полна политика в России после тоталитаризма. Она бы сказала, что трудно ожидать от травмированного, долгое время жившего в изоляции народа, чтобы он моментально перешел к образу жизни, не обещающему государственной опеки от колыбели до гроба. Она, хоть и сама зачитывалась Агатой Кристи, была бы против наплыва треш-культуры, внезапной страсти к мексиканским сериалам и американским кроссовкам. Она бы понимала, что впереди — настоящие сложности, а может быть, и катастрофы. Но, повторяю, она бы осталась оптимистом. Оптимизм — это вера в постепенное и болезненное возрождение после крушения коммунизма, уверенность в том, что люди, служившие объектом советского эксперимента, накопили слишком большой исторический опыт, чтобы вернуться к диктатуре и изоляции. По всей России и в других бывших советских республиках мы можем наблюдать признаки того, что на сцену выходит новое поколение: художники, учителя, бизнесмены, даже политики. Люди, которые, как говорят в России, “свободны от старых комплексов”. Может быть, вскоре настанет день, когда для того, чтобы просто жить, людям не понадобится проявлять чудеса изворотливости, как в последние годы советского режима. Возможно, Россия даже станет в каком-то смысле “просто страной”, где справляются не с катастрофами, а с проблемами, где все не взрывается, а развивается. Это будет замечательная картина.

Часть I
По праву памяти

Борьба человека с властью — это борьба памяти с забвением.

МИЛАН КУНДЕРА

Глава 1

Переворот в лесу

Пасмурным летним днем полковник Александр Третьцкий из Главной военной прокуратуры СССР прибыл на место работы — в березовую рощу в 28 километрах от города Калинина¹. Здесь находилось массовое захоронение. Третьцкий вместе с помощниками принялись копать; они искали вещественные доказательства преступления тоталитарного режима — пробитые пулями черепа и изъеденные червями сапоги (остатки польской военной формы).

Утром, перед тем как выехать, они услышали по телевизору и радио тревожные новости из Москвы: Михаил Горбачев не может исполнять свои обязанности “по состоянию здоровья”. Власть взял ГКЧП — Государственный комитет по чрезвычайному положению, — обещавший народу стабильность и порядок. Что это могло значить? От Москвы до Калинина — несколько часов езды на поезде, слухи и правдивая информация доходили сюда с большим опозданием. Поэтому утром 19 августа 1991 года, как и большинство жителей Советского Союза, Третьцкий отправился на работу, как в обычный будний день.

Работа в калининских лесах была тяжелым заданием. За полвека до этого расстрельная команда НКВД по прямому указанию Сталина расправилась здесь с пятнадцатью тысячами польских офицеров, тела их бросили в братские могилы. Длившаяся месяц операция в Калинин, Катыни и Старобельске была частью плана Сталина по установлению контроля над Польшей. Молодые офицеры были одними из самых образованных людей в Польше. Сталин видел в них потенциальную угрозу, будущих врагов. На протяжении нескольких десятилетий Москва обвиняла в этих убийствах нацистов: согласно этой

1 Название Твери в 1931–1990 годах.

версии, поляков расстреляли немцы в 1941-м, а не НКВД в 1940-м. Кремлевская пропаганда придерживалась этой лживой версии в выступлениях, дипломатических переговорах и учебниках, использовала в идеологии и официальной истории, поддерживавших режим и империю. В Кремле до того серьезно относились к исторической дисциплине, что был создан огромный бюрократический аппарат, ведавший ею, конструировавший язык и само ее содержание, так что кровавые и бессудные расправы становились “победой над врагами и иностранными шпионами”, а тиран у власти — Лучшим другом советских детей и Горным орлом. Советский режим сотворил империю — огромное помещение с запертой дверью и закрытыми наглухо окнами. Все дозволенные в этом пространстве книги и газеты сообщали Принятую версию событий, а радио и телевидение денно и ночно проводили генеральную линию. Верных проводников Принятой версии награждали и именовали “профессорами” и “журналистами”. В цитаделях Коммунистической партии — Институте марксизма-ленинизма, Центральном комитете и Высшей партийной школе — жрецы идеологии могли отклоняться от вероучения только на свой страх и риск. Секреты были повсюду. КГБ так усиленно охранял свои, что построил дачи непосредственно в деревне Медное Калининской области, на месте расстрела и захоронения польских офицеров — чтобы было удобнее приглядывать за костями.

Но вот что-то изменилось и притом радикально. В начале своего правления Горбачев после некоторых колебаний решил, что пришло время заполнить “белые пятна” в истории. Он сказал, что пора снять розовые очки. Поначалу его высказывания были умеренными. Он говорил о тысячах, а не о десятках миллионов жертв. Он не отваживался критиковать Ленина — советского полубога. Но, несмотря на все колебания Горбачева, возвращение исторической памяти стало самым главным его решением, первоочередным, потому что без полной и беспощадной оценки прошлого, без признания фактов убийства, репрессий, разорения не могло идти и речи о переменах, а тем более о демократической революции. Возвращение исторического знания в частную, интеллектуальную и политическую жизнь стало началом великой реформы XX века и — нравилось это Горбачеву или нет — крушения последней на свете империи.

Многие десятилетия убийства в Калинин, Старобельске и Катynie для поляков оставались символом жестокости и имперской политики Москвы. Для поляка хотя бы намекнуть на то, что за расстрелы был ответственен Советский Союз, было поступком радикальным, даже самоубийственным, ибо этим он обнаруживал свою позицию: “дружба народов” и отношения между Москвой и Варшавой построены на насилии, на власти оккупанта над сателлитом. Даже Горбачев понимал, что признать ответственность СССР за преступления про-

шлого — значит подорвать позиции польских коммунистов. Но в 1990 году к власти уже пришла “Солидарность”, и терять Горбачеву было нечего. Когда в Москву прибыл с визитом генерал Войцех Ярузельский, Горбачев наконец признал вину Москвы и передал польскому правительству папки с документами о расстрелах в Катыни, Старобельске и Калининне.

Вскоре после того, как Кремль признал свою вину, начались раскопки. Вместе с советскими солдатами и польскими волонтерами полковник Третецкий приступил к работе в Медном 15 августа 1991 года. Третецкому было за сорок, он был кадровый офицер, художавый человек с тонкими усами. В течение нескольких месяцев он раскапывал захоронения в Старобельске. И с каждой следующей раскопанной могилой все острее чувствовал себя обманутым. Третецкий беззаветно верил в коммунизм и в Советский Союз. Он служил сначала на флоте, а затем, получив юридическое образование на Украине, решил стать кадровым военным. Почти четыре года он прослужил в Восточной Германии, в 1968-м добровольцем поехал в Чехословакию, где Советский Союз раздавил Пражскую весну.

“Я был тупицей, — говорит Третецкий. — Я во все это верил. Я бы не задумываясь отдал жизнь за Родину”.

Он попросил командование направить его в Афганистан, и два года прослужил там, с 1987-го по 1989-й. А когда вернулся в Москву, ему пришлось познакомиться с настоящей историей своей страны, о которой он раньше знал так немного. Его направили на работу в Военную прокуратуру, которая занималась масштабными расследованиями по делам о реабилитации людей, репрессированных за последние 70 лет. Постепенно Третецкий узнавал о страшных событиях в советском прошлом: чистках, убийстве польских офицеров, кровавом подавлении мирной демонстрации в Новочеркасске в 1961 году.

Когда ему поручили вести раскопки, сначала в Старобельске, а затем в Медном, Третецкий взялся за дело со всем тщанием и усердием. В Медном он уже прекрасно знал, где копать и что искать. Предварительно он подробно расспросил местного жителя — Владимира Токарева¹, офицера КГБ в отставке, который в 1940 году был одним из тех, кто выполнял поступивший из Москвы приказ. Когда изменившая свой ход история вдруг заинтересовалась Токаревым, он был уже слепым 89-летним стариком. Но память у него была ясная. Третецкому и видеокамере он рассказал, как в апреле 1940 года его команда НКВД расстреливала польских офицеров в лесу под Калининном — по 250 человек за ночь, в течение месяца.

Группа, присланная из Москвы, по словам Токарева, “привезла целый чемодан пистолетов” типа “Вальтер-2”. “Наши советские ТТ были ненадежны.

1 Скорее всего, ошибка: по делу о катынском расстреле допрашивали Дмитрия Токарева.

Они от постоянного использования перегревались!... Я был там в первую ночь расстрела. В их группе всем распоряжался Блохин, там было не меньше 30 человек, главным образом водители и некоторые тюремные караульные. К примеру... мой водитель Сухарев принимал активное участие. Блохин говорил: «Пошли!» и потом надевал свое обмундирование: кожаную коричневую кепку, кожаный коричневый фартук длинный, кожаные коричневого цвета перчатки с крагами выше локтей. Это была у него такая жуткая униформа. Я видел настоящего палача”.

“Выводили приговоренных по одному, по коридору, сворачивали налево, где был красный уголок. В красном уголке проверяли по списку: сходятся ли данные, данные личные, не имеется ли какой-нибудь ошибки, да... А затем, когда удостоверяться, что это тот человек, который должен быть расстрелян, немедленно надевали ему наручники и вели в камеру, где совершались расстрелы. Стены камеры также были обиты звукопоглощающей материей. <...> Никому не зачитывали ничего, ничего не говорили”.

“Первый раз привезли 300 человек, и это оказалось слишком много, ночь уже была короткая, и надо было как-то укладываться во время сумеречное. Стали потом по 250”. “Сухарев участвовал в расстрелах и еще хвастался мне, как сегодня ловко потрудился”. “Длилось это долго... Считайте: если по 240 — шесть тысяч, вы получите искомую величину. <...> Это с месяц, по-видимому, продолжалось”.

“При расстрелах я не присутствовал”. “В камеру, где совершались расстрелы, я не входил... но я обязан был им оказать помощь людям”. “Я помню некоторых поляков”. “Одного парнишку спросили: «Сколько тебе лет?» Сказал — 18. «Где нес службу?» «В пограничной охране». Чем занимался? Был телефонистом. <...> Вошел и улыбался, да, парень, совершенный мальчик, 18 лет, а сколько служил? Стал считать по-польски — 6 месяцев”.

“За исполнение этой работы им давали спиртные напитки. <...> Этим всем распоряжался Блохин... покупали ящиками. <...> Перед расстрелом и во время расстрела никто не пил. Только после расстрела... напивались и шли домой спать”.

“Когда поднял проблему рабочих, надобных для выкапывания могил, меня высмеяли. <...> Блохин сказал, что привез экскаватор из Москвы и двух экскаваторщиков из НКВД. Из той камеры был выход на двор. <...> Этим путем вытаскивали трупы, грузили на автомобиль и уезжали. Было их 5–6 грузовых... Брезентом все накрывалось. <Место> выбрал сам Блохин. Рядом с тем, где НКВД своим сотрудникам дачи построило, моя дача тоже там была, в сторону Медного, километров 30 от Калинина. Рвы были величиной

1 В протоколе допроса Третьцкий говорит о “Вальтерах”: “Оказалось, что эти пистолеты быстро изнашиваются. Поэтому привезли их целый чемодан”.

8–10 метров в среднем, яма должна была быть достаточно большой, чтобы вместились 250 человек. А когда закончили всё, москвичи устроили в своем салон-вагоне что-то вроде банкета, навязчиво меня приглашали. Я не согласился и не пошел”.

Слепой старик монотонно бубнил, кивая на “других” и не признавая собственной роли в преступлении — такой же безжалостный и лицемерный зверь, каким был Эйхман в Иерусалиме. Но дело было уже не в Токареве. И даже не в расстрельщиках. Блохин и трое из его группы давно сошли с ума и покончили с собой. Дело было в том, что на каждом шагу историки, прокуроры, архивисты и журналисты получали подтверждения того, что в советском наследии таились трагедии столь же ужасные, как и те, о которых свидетельствовали “крамольные голоса” — Солженицына в “Архипелаге ГУЛАГ”, Варлама Шаламова в “Колымских рассказах”. Теперь не было больше ни крамольных книг, ни голосов. И оказалось, что узнавать о прошлом, видеть кошмар 70 лет — почти невыносимое потрясение. История возвращалась стремительно; обычным делом становились документальные телефильмы о расстреле царской семьи, насильственной коллективизации деревни, чистках и судебных процессах 1930-х. Литературные ежемесячники, еженедельные журналы, даже ежедневные газеты были заполнены отчетами о катастрофических потерях недавнего прошлого: сколько человек было расстреляно и арестовано; сколько разрушено церквей, мечетей и синагог; сколько было расхищено и растрчено. Погребенные под этой лавиной свидетельств, люди через какое-то время заговорили о пресыщении, даже о скуке. Но в действительности их мучили боль воспоминаний, шок узнавания. “Представьте себе, что вы взрослый человек и вам нужно за год, два или три узнать все об окружающем вас мире и о мире за пределами вашей родины, — говорил мне философ Григорий Померанц. — Вся страна до сих пор находится в состоянии массовой дезориентации”.

Для вождей коммунистической партии, руководителей КГБ и армии, миллионов провинциальных функционеров, воспитанных на сфальсифицированных фактах, правда была невыносима. Не потому, что они ей не верили. Факты прошлого им были известны лучше, чем кому-либо еще. Но правда угрожала их существованию, их комфорту и привилегиям. Получение ими пристойного кабинета, куска мяса и месячного отпуска в Крыму прямо держалось на колоссальном обмане общества, на неведении 280-миллионного народа. Егор Лигачев, консерватор из полибюро, вынужденно ушедший в отставку в 1990-м, уныло говорил мне, что, когда историческим знанием перестала владеть КПСС, когда ученые, журналисты и живые свидетели событий начали публиковать свои версии происходящего, “создалась мрачная атмосфера в стране. Это влияло на чувства людей, на их настроение,

их работоспособность. С утра до ночи на них лился поток негатива о прошлом. Все патриотические темы выдавливались, отменялись прочь. Люди хотят чего-то положительного, чего-то светлого, а наши культурные деятели напечатали больше лжи и антисоветчины, чем все западные враги, вместе взятые, за последние 70 лет”.

Когда история перестала быть инструментом Партии, Партия оказалась обречена. Ибо именно история показала: Партия прогнила до основания. Министры, генералы и аппаратчики, организовавшие августовский путч 1991 года, не раз встречались на подмосковных дачах, принадлежащих КГБ, чтобы обсудить распад их мира. Они говорили о необходимости установить порядок, прекратить разрушение Партии. Они до такой степени заблуждались относительно собственной страны, что верили в свою способность остановить возвращение истории. Ее они собирались держать под замком с помощью указа и пары танковых дивизий. Так же готовились поступить и с раскопками в Медном и других местах расстрелов польских офицеров. Путчисты постарались максимально помешать этой работе. Задолго до попытки переворота Валерий Болдин, руководитель аппарата президента СССР и один из главных августовских заговорщиков, попробовал минимизировать ущерб от разоблачений: он втайне переправил многие документы по этому делу из архива политбюро (VI сектора общего отдела ЦК) в “президентский архив”, который он курировал. Но этот шаг почти ничего не дал. Тогда Болдин и другие заговорщики решили разом покончить со всем, что их не устраивало. Они собирались не дать истории вернуться. Повернуть время вспять. Снова сделать страх самым существом государства.

В день путча люди Третьецкого — русские и поляки — старались сосредоточиться на работе. Они раскапывали старые захоронения, отмывали в обшарпанных тазах кости и фрагменты черепов. Но чем больше новостей до них доходило, тем тяжелее им работалось. Кто-то из солдат услышал, что армейские части, введенные в Москву, были из их дивизии — Кантемировской. В одной из походных палаток возле раскопок они включили телевизор и увидели знакомые лица: на бронетранспортерах, стоявших возле Кремля, Дома Советов¹, на центральных московских улицах, сидели их друзья.

“Погода была отвратительная, — вспоминал Третьецкий. — Почти все время шел дождь. Чтобы просушивать уцелевшие фрагменты польской формы, мы относили их в палатку, заглаживали печку и оставляли палатку открытой для циркуляции воздуха”. Работали в тот день полдня, затем Третьецкий сказал своей команде: “На сегодня все”. Больше ничего говорить не стал.

1 Ныне Дом Правительства Российской Федерации (Белый дом).